

Михаил Устинов

Ныряльщик

Страницы
из жизни Немилова

Санкт-Петербург • АЛЕТЕЙЯ • 2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4
У 80

Устинов М. Е.

У 80 Ныряльщик: Страницы из жизни Немилова / М. Е. Устинов. — СПб.: Алетейя, 2011. — 216 с.

ISBN 978-5-91419-363-5

Главный герой новой книги петербургского (ленинградского) автора, вопреки тенденциям современной литературы, не столько действует, сколько чувствует и рассуждает: о жизни и смерти, религии и вере, о времени и о слове. И тем не менее его подчас противоречивые размышления неуклонно сопрягаются с современностью, предоставляя заинтересованному читателю возможность продумать не вполне, быть может, четко поименованное здесь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4

ISBN 978-5-91419-363-5

9 785914 193635

© М. Е. Устинов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Пасха 93-го

Если бы человек знал, как жить,
он бы никогда не умер.

Р. П. Уоррен

Похожей не помнил никто, кого ни спроси. Вернее, всякий и сам отмечал небывалость этой ночи.

Сплошной мрачной стеною стоял лес по обочинам дороги, так что тянуло выставить руку, чтоб отыскать проход на ощупь. Тревожное чувство пресекало разговор, и мы только изредка окликались. Шелестел расслоенный ветвями и до изнеможения запутавшийся в макушках ветер, гулко посреди молчания хрустел гравий под ногами.

Лишь наезженный шинами след светлел в глухих потьмах, помогая не сбиться с пути, но и он порой прерывался, лишая последней зацепки, и тогда глаза разбегались, ища, за что ухватиться. Низко пластавшиеся облака плотно пригнетали сгустевший воздух, и, как ни напрягайся, взгляд различал только темень, что обступала со всех сторон, без разбору глотая деревья, кусты и столбы, ровняя пригорки и овраги. И, непроизвольно укорачивая шаг, ты замирал на самом краю насыпи, не разглядев, но зверино учуяв разлегшуюся впереди канаву.

А когда за опушкой открылся долгожданный луг, вихрь, собравший силы, взвыл порывами, но не желал растащить заград туч, выставленную любому звездному лучу.

Вдобавок к явной неприязни природы неистовый дух оголтелой толпы ошеломил возле деревенской церкви, куда мы наконец подошли. Спешась с мотоциклов и добредя нетрезвыми уже ногами, молодежь клубилась под синеватыми стенами бывшего клуба, и те, что постарше, не уступали ей в напористой бессмыслице выкриков и столкновений.

Силы падавшего на паперть света не хватало, чтоб рассеять мрак обстояния. Оставалось только сжаться душой, как бы прищурясь, и глаза прижмурить тоже, чтоб неуклюжим самообманом ограничить безобразие вокруг и одолеть тугой

заслон противления, почти зримо сгустившийся во воротах, затрудняя вход. Только хаос внутрь храма проникал беспрепятственно. Та же, что на улице, грубость окликов, жадная до стычки, шалая круговерть от притвора и чуть не до алтаря, срамные маски вместо лиц у потерявших смысл, зачем пришли. Обезволивающая тягость наваливалась при виде их, столь очевидно влекомых чуждой волей. А та почти уж не скрывала себя, глумливо подмаргивая из-под вкривь и вкось натянутых личин. Одержимость нацепивших их была так явственна, и не было возможности, как прежде, остановить словом, призвать к порядку, когда порядком объявлено бесчиние, а слова утратили вескость.

Места для молитвы в храме почти не оставалось. Даже пение приходского хора отдавало вдруг кликушеством, когда запевала резко вскрикивала тропарь. Ее едкий голос иглой пронзал немолитвенный гул вокруг, но живая сшивающая нить не тянулась следом. И только старенький священник — опушенный легчайшей сединой стебелек в широкой фелони — стойко вел службу, служением сопротивляясь обстоящему распаду. Но его молитва была неслышна среди гомона и гвалта. И мы не умели помочь ему. Купив свечей, мы поскорее вышли на улицу, угнетенные немочью и раздражением.

Вблизи паперти мужики хлестали спирт из горлышка литровой бутылки, закусывая бранью, и тетка с опаленным пьянкой лицом льстиво подхохатывала им. Светловолосый недоросль, совсем мальчишка, с верещанием сковылял со ступенек, получив затрещину от девицы на голову выше его. А когда она мерно шествовала вслед, как ни в чем не бывало обхватил ее за талию, и они рядом повлеклись к ограде, в темноту. Под фонарем парень в камуфляже обнимал плечи жеманной спутницы, и двое дружков с замороженными ухмылками следили, как блестящая кровь из его ладони смолится на ее светлый плащ. И простоволосая бабенка подпрыгивала в дверях, пытаясь свечкой подпалить кисти приготовленной к выносу хоругви под ободряющий галдеж окружающих.

Развоплощенный грех жадно стремился к бытию. Словно именно его, превзойденного и попранного Святою Смертию, так страстно и нетерпеливо чаяли сползшиеся сюда, нагнетая темно-пламенные клубы своей неистовой к нему тяги.